

КАРТИНА МИРА КАЗАКОВ-НОМАДОВ И МЕЖЕВЫХ РЫЦАРЕЙ В СИЯНИИ ОСЕНИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Настоящая статья посвящена сравнительному анализу ментальных комплексов казаков-номадов и межевых рыцарей в XIV-XV вв., в период расцвета номадического актуализма и утилитарной перспективы в военной повседневности этих служилых сословий, у которых, на первый взгляд, нет ничего общего в рамках картины мира или культуры. Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования его содержательного блока в качестве базы для дальнейшего изучения ментальной общности рыцарства в эпоху его упадка и казачества в период этногенеза и подъема культуры. Научная новизна исследования заключается в новом взгляде и подходе касательно анализа картины мира двух сословий, миропонимание которых оказалось схожим в исторической ретроспективе под влиянием совокупности социальных обстоятельств и факторов дезинтеграции основных форм военной повседневности. Источниковая база исследования представлена комплексом рыцарских баллад, написанных очевидцами произошедших событий, архивных сведений, казачьих летописей и поведенческих источников. Методология исследования относится к традиции истории ментальности – поздней школы Анналов. Методологический аппарат включает в себя специально-исторические, социологические, культурологические и психологические методы. Специально-исторические методы: нарративный метод, идеографический метод, историко-системный метод, историко-типологический метод, историко-сравнительный метод, метод исторического моделирования, ретроспективный метод. Социологические: анализ документов, контент-анализ, типологизация, интервьюирование, метод идеальных типов. Культурологические: моделирование преобразующих культурных практик, культурно-генетический метод, компаративный метод. Психологические: циклический метод, метод анализа гештальтов, метод изолирования. Результатом исследования стало определение общего и частного в картине мира казаков-номадов и межевых рыцарей XIV-XV вв.

Ключевые слова: Позднее Средневековье, Столетняя война, картина мира, миропонимание, казачество, рыцарство.

Введение. Исследования казачьей ментальности во взаимосвязи с миропониманием и мировосприятием отдельно взятых европейских сословий на сегодняшний день встречаются достаточно редко. Возможно, это связано с тем, что герменевтика георгиевской (земледельческой) и номадической культур казачества сама по себе достаточно сложна ввиду неоднородности казачества как социокультурной общности и группы этносов. Казачество изначально было насыщено концептами номадической культуры, но со временем потеряло возможность воспринимать и познавать мир с точки зрения номадического актуализма. В то же время, межевые рыцари в период упадка данной культуры, напротив, стали приобретать черты природы номадики. В этой точке пересечения картина мира казаков-номадов и межевых рыцарей имеет настолько много общих черт, что мы можем судить об идентичной картине мира этих непохожих друг на друга служилых сословий.

Обзор источников и историографии. Источниковая база исследования представлена четырьмя группами письменных источников, включая: 1) рыцарские баллады и хроники на мотивы баллад; 2) казачьи летописи; 3) архивные сведения; 4) справочные издания. В изучении картины мира казаков-номадов используются фольклор и источники поведенческого типа.

1. Рыцарские баллады представлены «Хрониками» рыцаря Матьё д'Эскуши [12. Р. 236]; сочинением «Искусство слагать и сочинять песни, баллады, виреле и рондо» французского поэта Эсташа Дешана [13. Р. 70]; «Хрониками» историка и поэта Жана Фруассара [14. Р. 1011]; двухтомным собранием сочинений бургундского рыцаря, хрониста и гербоведа Жана Лефевра сеньора де Сен-Реми [15. Р. 1044]; «Мемуарами» французского дипломата Филиппа де Коммина [16. Р. 240]. Все хронисты в той или иной степени получили историческое образование, поэтому их хроники и баллады можно также отнести к трудам историков-современников.

2. «Летопись Самовидца» [5] раскрывает наиболее древние идиоформы и культурные концепты, связанные с происхождением казачества и его историко-культурным наследием.

3. Архивные сведения описывают точки соприкосновения казачьей культуры и культурного типа рыцарства Средних Веков, это дела, извлеченные из документации Российского государственного архива древних актов (РГАДА): «Копии крымских грамот за 1487-1505 гг.» [4] и «Послание Урбана IV, 1261 г.» [7].

4. В качестве вспомогательного источника используется «антология старофранцузских, итальянских и латинских текстов о грамматике и музыке», которое включает в себя ценные отрывки из сочинений Эсташа Дешана [17].

Второй тип источников – фольклор: «Песни Терека. Песни гребенских и сунженских казаков», собранные Б.Н. Путиловым [8. С. 240], в которых нашли отражение дух эпохи и особенности казачьей ментальности.

Третий тип источников – поведенческие: собрание материалов «Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговоров» Н.Ф. Познанского [6. С. 244], где подробно освещается быт и ритуальные комплексы различных казачьих групп на этапе этногенеза и дальнейшего выделения собственных культурных концептов.

Историография исследования, сравнивающая (или хотя бы затрагивающая) номадизм казаков и межевых рыцарей, встречается в единичных работах, среди которых необходимо выделить: исследование Ю.А. Бутенко «Дикое Поле в период раннего средневековья» [1. С. 560]; «Избранные труды» классика отечественной медиевистики А.Я. Гуревича [3. С. 560]; работу Б.А. Рыбакова «Из истории культуры Древней Руси» [9. С. 240]; исследования зарубежных историков «Средневековая Европа» К. Уикхема [10. С. 536] и «Осень Средневековья» Й. Хейзинга [11. С. 768]. Данные труды легли в основу нашего понимания природы номадики казачества в период зарождения его этнокультурной формы и особенностей номадизма межевых рыцарей в период упадка средневековой рыцарской культуры.

1. Картина мира казаков-номадов.

В современной исторической науке и номадологии отсутствует сложившаяся точка зрения на проблему происхождения казачества и выделения из структуры казачьих общин номадической культуры особой картины мира, характерной для кочевых народов в отношении повседневных занятий и военного дела. Государственная теория объясняет особенности картины мира казаков-номадов постоянным нахождением социокультурной общности на пограничных территориях, где была актуальна утилитарная перспектива, всегда выделялась необходимость отражать набеги враждебных племен и обществ, противостоять недружественным державам [9. С. 240].

В государственной теории генезис казачества объясняется только тем, что казаки являлись потомками беглых крестьян, осевших в окрестностях Дикого поля. Бежав в бескрайние степи, крестьяне постепенно стали приобретать новые культурные черты и элементы традиций номадов, в том виде, в каком они существовали к середине XV в. Однако не стоит полагать, что казачество в своей этнокультурной общности образовалось исключительно из российского крестьянства [5]. Мы считаем, что предками казаков являются также бродники и ушкуйники – т.н. «лихие люди», возглавленные удельным князем Иванов Берладником и, ввиду ряда неудачных походов, расселившиеся за границами княжеств Удельной Руси [2. С. 454-465].

Просторы Дикого поля были пригодны для развития земледелия, но казачьи общины решили пользоваться доступными земельными ресурсами для развития скотоводства и рыболовства (типичных номадических промыслов). Природа номадики казаков характеризовалась как складывающимся хозяйственно-культурным типом, так и диалектически определенной системой социальных норм и ценностных ориентиров, свойственных переходным формам кочевого образа жизни [1].

Значительная часть Дикого поля в разные периоды находилась под защитой донцев, хоперцев, запорожских казаков, болохцев и прочих казачьих групп. В XIV-XV вв., полностью отделенные от административных систем российских княжеств, казаки продвигались вглубь Дикого поля для ведения борьбы против крымских татар [4]. В номадической культуре казаков важнейшим индикатором являлась военная повседневность, которая обусловила формирование таких ценностных аттракторов как «странничество» и «подвижность» [7]. В сознании казаков данные аттракторы уступали категориям выживаемости и заботе о благе нового поколения [8].

XIV в. – период «чистой» природы номадики у казаков, когда еще не был замечен синтез георгиевской и номадической культур. Во многих казачьих общинах был распространен пасторальный номадизм как форма подвижного скотоводства [8]. Картина мира богатого слоя казачества характеризовалась первенством самообеспечения, и лишь затем – следованием за традициями использования сезонных пастбищ степей и равнин, низменных местностей, которые имели близость к рекам или озерам (здесь важно выделить различие: казаки изначально селились возле рек, тогда как в классическом номадизме племена всегда селятся вблизи озер) [6].

XV в. оказался эпохой расцвета номадизма и одновременно порой его смешения с земледельческой культурой и образом жизни землепашцев. Когда сельскохозяйственные традиции казаков и крестьян стали постепенно сливаться, стал исчезать номадический актуализм, зато сохранялась утилитарная перспектива – мироощущение, характерное для странников и номадов. Казаки продолжали мигрировать целыми семьями вместе со своими стадами, с одного пастбища на другое. Приспособление к требованиям подвижности уже в первой половине XV в. обусловило огромное разнообразие промыслов с сохранением первенства скотоводства, коневодства. Казаки занимались рыбалкой, садоводством, виноградарством и виноделием, реже – пчеловодством [8].

Можно сказать, что у всего казачества в целом причиной формирования номадического актуализма становится культурная интеграция и постоянная военная повседневность, ставшая причиной высочайшей социальной мобильности. Поэтому взаимовлияние и взаимопроникновение в ряды казаков других этнических и языковых обществ было делом времени, но вплоть до конца XV в. казаки стремились сохранить свою этническую целостность, которая только начала оформляться. В сознании казаков существовала одна социальная установка, которая и послужила поводом для сравнения их ментальности с ментальностью межевых рыцарей – это отношение к воровству: кража считалась недостойным действием, тогда как грабеж, налет, разбой являлись вполне разумными актами насилия, проявлениями силы, за которыми не скрывались угрызения совести. Бессознательно такие акты насилия воспринимались как концепты «завоевания», «покорения», типичные для всех представителей номадической культуры [6].

2. Картина мира межевых рыцарей.

Рыцарские ордена и рыцарские обеты как основа идейно-образного уровня ментальности межевых рыцарей предопределили их военную повседневность и формирование большей части социальных установок. В отличие от повседневной жизни казаков XIV-XV вв., о культуре и повседневности межевых рыцарей мы знаем из содержания множества баллад и хроник. В исследовательском дискурсе нас интересуют те баллады и хроники, которые сочинили сами межевые рыцари, либо те, кто имел опыт личного общения с ними, а именно: Жак дю Клерк, Жан Лефевр де Сен-Реми, Жан Молине, Жан Фруассар, Жорж Шателен, Матье д'Эскуши, Оливье Ламарш, Филипп де Коммин, Эташ Дешан. В хрониках данных авторов главным фактором формирования феномена «странничества» называется Столетняя война, эпоха расцвета и причина упадка рыцарства в Европе. Центральным сюжетом большинства хроник являются глобальные или локальные конфликты [3].

Феномен странничества среди рыцарей можно определить, только если взяться за анализ мелких сражений и небольших стычек, способных пролить свет на картину мира и миропонимание отдельно взятых личностей-акторов [10]. На примере событий во Фландрии зарубежные историки-классики приводят методический довод в пользу того, что межевые рыцари по своей ментальности являлись номадами: так как у кочевников на проституцию налагалось табу, его обратной стороной была дозволенность, негативно воспринимавшаяся землепашцами, а именно – скотоложество [10; 11]. Спорный довод, по крайней мере, в рамках войны, но он дает лучше понять то, как происходила интеграция двойственности табу в системе образов межевых рыцарей.

Для начала следует отметить, что военная повседневность всего служилого сословия в целом заметно ужесточилась после Великого голода 1315-1317 гг. (точкой отсчета в формировании номадизма у рыцарей можно считать 1317 г.). Жан Фруассар писал, что все его ближайшее окружение стремилось не только сохранить воинские навыки, но и выработать умения пастухов, без которых было не обойтись в периоды засухи и низкой урожайности. На примере Франции и Фландрии рыцарь рассказывает о своих соратниках как о храбрых, но не всегда честных и справедливых бойцах, во всем отдававших предпочтение утилитарной перспективе. В форме преобразующих культурных практик на рубеже XIV-XV вв. особенно выделяется процесс синтеза группы межевых рыцарей и крестьян, которые в течение XIV в. получили личную свободу во Франции, Фландрии, Англии и западногерманских княжествах [14].

От пера Ж. Фруассара не ускользают различные народные движения, в которых участвовали межевые рыцари. Если у казаков в описываемый период была актуальна возможность не вмешиваться в дела государства,

то межевые рыцари всегда оставались – а точнее вынуждены были оставаться – заинтересованными. Ж. Фруассар еще не рассматривал третье сословие как самостоятельную политическую силу, но он более подробно останавливается на роли крестьянства в отделении межевых рыцарей от остальной части сословия. Автор отсылает нас к Жакерии и восстанию Уота Тайлера. В обоих случаях межевые рыцари становились источником дополнительной боевой мощи жаков и виллан соответственно [14]. В ходе постоянного взаимодействия с крестьянами у межевых рыцарей выработалась т.н. чувство или ощущение «комплиментарности», заключавшееся в бессознательном разделении этнокультурных общностей, этнических систем на «своих» и «чужих». Аналогичная по своей сущности дихотомии образов комплиментарность привела к тому, что межевые рыцари в начале XV в. перестали отождествлять себя с другими рыцарями и аристократией, но и не сблизились с крестьянством [15].

В такой «отчужденной» форме межевые рыцари стали пользоваться большой популярностью в Англии. В период правления Ричарда II и Генриха IV их военная повседневность приобретает черты социальной напряженности, когда многие вновь разбогатевшие межевые рыцари стремились либо получить более высокий социальный статус, либо заняться сельским хозяйством [12]. В случае последних сформированная картина мира привела к актуализации скотоводства, рыцари стали заниматься овцеводством, коневодством и укреплять разного рода новации, заимствованные в других странах в ходе длительных путешествий [16]. С другой стороны, традиции стали как никогда сильны. Интеграция английских межевых рыцарей с лично свободными крестьянами привела к формированию нового типа воинской ментальности. Рыцари стали идентифицировать себя иначе, сохраняя в сознании только наиболее устойчивые социальные и религиозные (христианские) нормы повседневной жизни [17].

Историк культуры Йохан Хейзинга писал, что в период феодальной раздробленности межевые рыцари стали гораздо ближе подбираться к развитию сельского хозяйства. Возможно, неосознанно, но многие наемники сменили род деятельности ради сохранения будущих поколений и обретения постоянного, устойчивого способа существования. Наиболее сильно номадический актуализм отразился на сознании английских межевых рыцарей, так как в Англии исконно было развито овцеводство, тот элемент номадической культуры, который был необходим для формирования новых мифологем и идеологем [11].

Последнее важное замечание: в связи с распространением огнестрельного оружия уменьшилось значение рыцарства в целом, и это было особенно ощутимо на примере межевых рыцарей – опытных воинов, в одночасье потерявших шаблон своего жизненного сценария. В конечном счете, данная тенденция привела к возникновению переходной формы рыцарского сосло-

вия. Так закат культуры средневековой Европы стал расцветом номадизма межевых рыцарей, которые постепенно «растворились» в идиоформах пастухов и землепашцев [13].

3. Сравнительный анализ ментальных комплексов.

Сопоставив культурные типы казаков-номадов и межевых рыцарей в период XIV-XV вв., мы можем выделить для данных сословий комплекс общих черт номадической культуры в целом и военной повседневности в частности, акцентируя внимание на наиболее наглядных ценностных ориентирах.

Во-первых, изначальные условия создания станиц казаков-номадов и военных поселений межевых рыцарей были таковыми, что представители обоих сословий изначально расселялись преимущественно в степях и равнинах, полюбив бескрайние долины вопреки перспективе жизни в более укромных и защищенных местах. Не обладая «чистой» природой номадики обе группы предпочитали озерам реки, их изысканную красоту и изрезанность окружающих рельефов. Так, «метафора вождя» была в полной степени реализована на примере гидрографики, хотя и не по тому типу, по какому этнологи обычно судят о номадическом актуализме.

Во-вторых, миропонимание и мироощущение обеих исследуемых групп были оторваны от императивов государственной власти, которая воспринималась преимущественно негативно. Обе группы испытывали комплиментарность в отношении крестьян, но радовались новоприобретенным землям и возможности позаимствовать технологии ведения сельского хозяйства у них. Утилитарная перспектива в данном контексте была реализована в возможности организации разнообразных промыслов. Первичными промыслами казаков были коневодство, овцеводство, рыболовство и виноградарство, а у межевых рыцарей – овцеводство, рыболовство и коневодство, в порядке актуализации повседневности труда.

В-третьих, все казаки-номады, не получившие достаточное количество десятин земли, и все межевые рыцари, оставшиеся без плодородных земельных участков, считали себя «ущемленными» по сравнению с богатым слоем казачества и рыцарями-аристократами соответственно. Упущенная выгода отождествлялась с «потерей» в самом широком смысле слова, так как обе исследуемые группы привыкли получать заслуженную награду за службу, которая постоянно грозила смертью.

В-четвертых, собственно, риск потерять все состояние в одночасье обусловил все аспекты военной повседневности и во многом определил спецификацию хозяйственно-культурных типов казачьих общин и военных поселений межевых рыцарей. Будучи номадами по своей природе, они легко уходили с обжитых земель ради усиления торговых и хозяйственных связей с местным населением. Обе группы боролись за обширные места для выгонов, стараясь скупить самые лучшие территории для своего поголовья.

В-пятых, картина мира в своей основе была насыщена агонистическим духом, соревнование составляло неотъемлемую часть жизни казаков-номадов и межевых рыцарей. Сдвоенный сельскохозяйственный способ организации внутренней экономической системы превратил представителей обеих групп в своего рода «дельцов». В случае с казаками агонизм считался достойным средством заработка, а также реализации религиозных, социальных норм. Прототипы «Шермиций», казачьих игр, присутствовали в жизни казаков уже с середины XIV в. Надо ли говорить, что соревнования и поединки всегда оставались с межевými рыцарями, даже когда те стали разочаровываться в собственном предназначении.

В-шестых, традиции и знаковые воззрения казаков-номадов и межевых рыцарей во многом сходились, а все значимые культурные традиции были связаны по большей части принадлежностью к разным цивилизациям (что, в принципе, является очевидным фактом). Но, так или иначе, картину мира обеих групп вполне можно назвать одинаковой и однотипной, так как и казаки-номады и межевые рыцари оценивали и ощущали окружающий их мир с одного и того же «наблюдательного поста», выражаясь на языке школы Анналов.

Заключение. Итак, мы пришли к выводу, что между двумя исследованными группами в отношении воинской ментальности и картины мира в целом было не так уж и много отличий (сходство традиций само по себе заслуживает отдельного исследования). В сиянии Осени Средневековья перед нами предстали два непохожих друг на друга сословия, две культурные общности, которые избрали два совершенно разных исторических пути, но встретились на пересечении своей воинской ментальности и мироощущения. Когда казачество только зарождалось, обретало черты номадического актуализма, номадика межевых рыцарей доживала последние века, но именно в это время утилитарная перспектива и пасторальное скотоводство дополняют ее, приближая к той модели номадической культуры, свойственной древним кочевым племенам, постоянно находившимся в ощущении тревоги и опасности. С этими чувствами встречали закат межевые рыцари, и приветствовали рассвет казаки-номады.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Бутенко Ю.А. Дикое Поле в период раннего средневековья (середина V – середина XI вв. н. э.). Харьков: Литера Нова, 2014.
2. Гончаров А.С. Исторические свидетельства о бродниках в 1146-1190-е гг. Происхождение бродников и глубинные истоки российского казачества / А.С. Гончаров, И.А. Ануприенко // E-Scio. 2021. № 2 (53). EDN WFRYBR.
3. Гуревич А.Я. Избранные труды. Средневековый мир. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. ISBN 9785-288-03940-9.

4. Копии крымских грамот за 1487-1505 гг. / Сношения России с Крымом: (коллекция) из фондов Боярской Думы, Посольского приказа и Посольской канцелярии, 1487-1693 гг. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 4. Д. 1. Л. 115.

5. Летопись Самовидца / под ред. О.М. Бодянского. М.: В Унив. Тип., 1846.

6. *Познанский Н.Ф.* Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговоров / ред. Ю.В. Крайко. М.: Академический проект, 2016.

7. Послание Урбана IV, 1261 г. / Реестр исторических документов из Секретного архива в г. Кенигсберге, присланных императорскому Государственному архиву в Москве от лифляндского и эстляндского рыцарства // РГАДА. Ф. 142. Оп. 1 (Ч. 2). Д. 1. Л. 2-14, 17-22.

8. *Путилов Б.Н.* Песни Терека. Песни гребенских и сунженских казаков / отв. ред. д-р филол. н. Б.Н. Путилов; публ. текстов, вступ. статья и прим. Ю.Г. Агаджанова. Грозный: Чечено-ингушское книжное издательство, 1974.

9. *Рыбаков Б.А.* Из истории культуры Древней Руси. М.: Издательство Московского университета, 1984.

10. *Уикхем К.* Средневековая Европа. От падения Рима до Реформации. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. ISBN 978-5-91671-712-9.

11. *Хейзинга Й.* Осень Средневековья / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова; коммент., указатели Д.Э. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. ISBN 978-5-89059-166.

12. *Chroniques de Mathieu d'Escouchy* // *Choix de chroniques et mémoires sur l'histoire de France, avec notes et notices* par J.A.C. Buchon. Paris: Desrez, 1838.

13. *Deschamps Eustache.* L'Art de dictier et de fere chancons, ballades, virelais et rondeaulx: manuscrit Paris, BnF, fr. 840, édition établie par Jean-François Kosta-Théfaine. Clermont-Ferrand: Éd. Paleo, 2010.

14. *Froissart J.* Chroniques. Début du premier livre. Édition du manuscrit de Rome Reg. lat. 869 par George T. Diller. Genève: Droz, 1972.

15. *Jean Le Fèvre de Saint-Remy.* Compositions. Paris: Louis Billaine, 1663. Volumes 1-2.

16. *Memoires de Philippe de Comines* // *Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France depuis le XIIIe siècle jusqu'à la fin du XVIIIe.* Editée par Joseph Fr. Michaud et Jean Joseph Francois Poujoulat. Paris: Guyot Frères, 1851. Tome IV.

17. *Ос, оïл, си: les langues de la poésie entre grammaire et musique.* Traductions et commentaires sous la direction de Michèle Gally. Paris: Fayard, 2010.

THE COSSACKS-NOMADS AND LANDING KNIGHTS' WORLD PICTURE IN SHINE OF THE AUTUMN OF THE MIDDLE AGES

This article is devoted to a comparative analysis of the mental complexes of Cossack nomads and boundary knights in the XIV-XV centuries, during the heyday of nomadic actualism and a utilitarian perspective in the military everyday life of these service classes, which, at first glance, have nothing in common within the framework of the picture of the world or culture. The practical significance of the study is due to the possibility of using its content block as a base for further study of the mental community of chivalry in the era of its decline and the Cossacks in the period of ethnogenesis and the rise of culture. The scientific novelty of the study lies in a new view and approach regarding the analysis of the picture of the world of two classes, the worldview of which turned out to be similar in the historical retrospective under the influence of a combination of social circumstances and factors of disintegration of the main forms of military everyday life. The source base of the study is represented by a complex of knightly ballads written by eyewitnesses of the events, archival information, Cossack annals and behavioral sources. The research methodology belongs to the tradition of the history of mentality – the late school of the Annals. The methodological apparatus includes special-historical, sociological, cultural and psychological methods. Special-historical methods: narrative method, ideographic method, historical-systemic method, historical-typological method, historical-comparative method, historical modeling method, retrospective method. Sociological: document analysis, content analysis, typology, interviewing, ideal type method. Culturological: modeling of transformative cultural practices, cultural genetic method, comparative method. Psychological: cyclic method, gestalt analysis method, isolation method. The result of the study was the definition of general and particular in the picture of the world of Cossacks-nomads and boundary knights of the XIV-XV centuries.

Key words: Late Middle Ages, Hundred Years War, picture of the world, worldview, Cossacks, chivalry.